

собственные книжные представления с героями книг. Но первоначально была здесь от встречи с книгой, от глубокого впечатления о ее содержании (проходных произведений Высоцкий, судя по его личной библиотеке, не читал, не признавал). Он являлся следователем мысли Достоевского (один из его любимых авторов, особенно в последние два года жизни), утверждавшего: «Чтобы написать роман — надо запастись прежде всего одними из нескольких сильными впечатлениями, пережитыми сердцем автора действительно» («выделено Ф. М. Достоевским — А. К.).

Образно говоря, Высоцкий писал свой 20-летний театральный роман (с 1969 по 1980 г. работа в театре) не только под «сильным впечатлением» событий окружающей действительности, но и от многократного общения с любимыми книгами. «Книги были его душой», — говорит о сыне мать — Нина Максимовна Высоцкая. Да и сам он открыто признавался в стихах о своем постижении бытия через книгу:

Мы многое из книжек
узнаём...

УЗНАЁМ...

Та библиотека, что осталась в рабочей комнате Высоцкого, собралась сравнительно поздно (собственной квартиры долгие годы не было) и в ней где-то 400—500 книг, не больше. Но это хорошо подобранная библиотека, где нет ничего лишнего, лишь самое необходимое. И, главное, в этом необходимом — всевозможные словари, начиная от словаря В. И. Даля. С этим изданием Владимир Высоцкий был в большой дружбе. Поэт чувствовал себя отстраненно, черпая из словаря Даля и других подобных изданий неизменный кладезь мудрости народной. А мечтая, как он писал в стихах: «и Шиллера читать без словаря», Высоцкий самостоятельно учил иностранные языки, особенно немецкий и французский. Русско-французский словарь так и остался лежать на его письменном столе, ибо всегда был под рукой. Он и иностранные слова, вводил их в текст своих песен, умудрялся надевать чертами родного языка, добываясь смысловой игры слов. Порой избитые, штампованные и банальные фразы вдруг начинали «играть» под пером Высоцкого-поэта, а Высоцкий-актер доводил ту игру в зримых образах-масках. Это был именно тот случай, о котором некогда говорил Есенин, считавший, что избитые выражения «можно брать исключительно после большой школы, тогда в умелой рамке в руках умелого мастера они выглядят по-другому» (1925 г.).

Высоцкий такую школу прошел, выработав в себе необычайную чуткость к слову, ощущая в звучащих текстах малейшую фальшь:

Сквозь меня многократно
просесть.
Чистый звук в валу души
детей.
Стоп! Вот тот, на кого я
надеюсь,
Для кого я все пишу
стерпел.

Подлинное от преходящего он различал всегда. Размышляя на эту тему, он говорил: «У нас как-то забывают, что зритель слишком искусен, и ему все меньше хочется смотреть на эстраду, песню, в которой нет ничего для души... Вспомните навязчивые в ушах — «Яблоня в цвету — какое чу-

до...». И тополя в пуху — тоже чудо, и еще масса всяких вещей — все чудо. А если рядом с этим надуманным вспомнить есенинское: «...Всё пройдет, как с белых яблонь дым. Увиданья злотом охваченный, я не буду больше плодом» — и сразу становится понятно что почему... Вот Бернес, он ведь тоже работал на эстраде, однако никогда не позволял себе петь плохие тексты. Человек должен быть наделен фантазией, чтобы творить. Он по природе — творец. Если он основывается только на фактах, что-то такое рифмуется, пишется — такой реализм меня не устраивает. Лично я больше за Свифта, за Гоголя, за Булгакова, за 26-летнего Лермонтова... Они настоящие творцы. И, конечно, настоящего искусства нет без страдания...»

В выборе книг для чтения его никогда не ослепляла мануфактурная роскошь старинных манускриптов, а влекло содержание книги, скрытое зачастую под невзрачной обложкой. «Царя узнаешь и в рубище», — говорил поэт Георгий Чулков (современник Блока и Ахматовой), стихи которого также присутствуют

в книжном фонде библиотеки Высоцкого.

Какой-то определенной системы в книгах Высоцкого нет, как он сам сказал о том: «и вкусы и запросы мои странны...». Но, продолжая работать с книгой, любя ее, «был терпелив и насилью слов и книжек». По стихам Высоцкого можно определенно установить круг его книжных интересов. «Мама, ты, пожалуйста, не покупай мне книги, я сам себе их подбираю, чтобы у меня не было ничего лишнего», — говорил он. Нине Максимовне. А если, случалось, не хватало своих книг, шел к отцу — Семену Владимировичу, собравшему в своей домашней библиотеке более двух тысяч книг. Не от этих ли впечатлений-встреч с книгами в доме отца родились позже строки:

...Средь военных трофеев
и мирных костров
жили книжные дети, не
знавшие биты,
изнывая от мелких своих
катастроф.

Детям вечно досадил
их возраст и быт, —
и дрались мы до ссадин,
до смертных оид.
Но одежды метал
нам матери в срок,
мы же книги глотали,
пьяные от строк.
Липли волосы нам на
выпотевшие лбы,
и сосало под ложечкой
сладко от фраз,
и кружили наши головы
запах борьбы,
со страниц пожелтевших
стекла на нас.

Особое место в личной библиотеке Высоцкого занимают книги по искусству, многочисленные альбомы, посвященные театру и живописи. Любимым художником был у него Куинджи, но в то же время Высоцкий проявлял большой интерес к философским работам Босха и С. Дали.

Вспоминая недавнюю свою встречу в Ленинграде с директором Эрмитажа академиком Б. В. Пиотровским. Речь в основном шла о книгах. Размышляя о современных стихах, Борис Борисович вдруг сказал: «Вот, читаю стихи Высоцкого, слушаю его песни и ловлю себя на мысли о большой образованности этого человека, чувствуется в нем книжник, эрудит, в его вещах много исторических имен и событий, ко-

торые возможно было узнать лишь из книг. И еще одна черта в нем примечательна — Высоцкий по-настоящему интеллигентен, что, конечно же, идет от внутренней культуры».

В библиотеке Высоцкого есть книга, точнее сборник — «Пег чировские чтения», выпущенный в конце 70-х годов. И в нем есть строки: «Гамлет Высоцкого не безвольный мечтатель, раздвоенный между великими совести и долга... а человек нашей эпохи... Гамлет Высоцкого самый демократичный из всех, кого я видел, и это тоже знамение

Читатель Владимир ВЫСОЦКИЙ

века... Слова эти принадлежат кинорежиссеру С. Юткевичу.

Действительно, самый демократичный. Помню, как на одном из таганских вечеров Высоцкий спел, обыгрывая извечный гамлетовский вопрос о смысле бытия: «Быть» или «не быть» — мы зря не погадаем, конечно, Быть... В этой фразе весь он, человек, смышлявший:

А я гляжу в свою мечту —
поверх голов,
в свато перу в чистоту —
снегов и слов!

Но, постигая мир, как он есть, Высоцкий и мучился тем давним гамлетовским вопросом, вопросом, обращенным к себе:

Но вечно, вечно плещет
море бед.
В него мы стрелы нечем —
в сито просо,
отсеивая праздничный ответ
от вытурного этого вопроса.

Читая Хемингуэя, Высоцкий извлек из его книг общий для каждого художника принцип: задача автора не порицать, не учить, но попытаться близкого своего. Оттого-то у Высоцкого не слова ложжились на бумагу, а душа его. Он писал для всех, как для каждого, когда дух преобладал над буквой.

...Всякий раз, когда я смотрю на афишу есенинского «Пугачева» с автографом Высоцкого — Хлопуши, слушаю пластинку с записью «Конец привередливый», на конверте которой знакомым почерком надпись: «Всего доброго!» — то неизбежно вспоминаю далекие близкие 60-е и 70-е годы. Вспоминаю дождливый таганский проезд между станцией метро и подъездом театра, старый служебный вход с улицы Чкалова, миновал который мы сразу попадали на небольшую, но крутую лестницу, где часто стоял с гитарой Высоцкий в

окружении товарищей, стоял и пел свои новые, минувшей ночью сочиненные песни про «нейтральную полосу», про «Нинку с Ордынки», про романтические звезды, падающие с неба просто так, «просто на память...». И там, где он жил, еще не было многих его любимых книг, которые появились много позже, но которые он уже знал и читал...

Вспоминается строка Высоцкого из его маленькой поэмы «Мой Г. млет»: «...и я зарылся в книги». Так и сидел письменный стол, за которым Высоцкий работал долгими ночами, весь в окружении многоликих книг. Именно за этим столом рождался, в счастливый час творческих раздумий, строки: «Мой мозг, до знаний жадный, как паук, все постигал: недвижность и движение...»

Смотришь и воспринимаешь каждую книгу в библиотеке Высоцкого, словно пройденную тропу, проторенную для себя в житейском лесу. Бурьяны и валуны мешали той тропе-книжке, но она была проложена, пройдена, прочитана. И вот уже все препятствия позади, а любимые строки, словно путеводные звезды в той нелегкой дороге. Это ведь из есенинских стихов Высоцкого:

Среди нехоженых путей
один путь — мой!
Среди невзятых рубежей
один — за мной!
Среди непроезженных дорог
одна — моя!

Что помогал Высоцкому отыскивать спок, единственную тропу в дотопе нехоженых путей, одолеть рубежи духовной культуры? Думаю, что во многом книги. Именно книги были для Владимира Высоцкого в числе главных духовных ориентиров, помогавших ему не сбиться «с искреннего тона» поэтической исповеди о правде жизни.

Если, путь прорубая
отцовским мечом,
ты соленые слезы на ус
намотал,
если в жарком бою
испытал, что потем, —
значит, нужные книги ты в
детстве читал!

В строках этих слышен ответ на многие наши вопросы о Владимире Высоцком — Поэте и Актере, но прежде — о Человеке.

Алексей КАЗАКОВ,
литературовед.
Челябинск.

В поисках единственного слова...

В. Высоцкий среди друзей-актеров в фойе Театра на Таганке.

Театральные программы литературных спектаклей с участием В. Высоцкого.

Фото автора и Д. ЧИЖКОВА

(Публикуются впервые)

